Воспоминания.

Как я работала в Московском областном Бюро судебно-медицинской экспертизы

Я, Зыкова Нина Александровна, родилась в послевоенной Москве 21 декабря 1946 года, в один день со Сталиным, которому тогда исполнилось 67 лет. Моя мама, Додина Людмила Николаевна, была судебно-медицинским экспертом. Она закончила 1-й Московский медицинский институт во время войны, поступила в аспирантуру по судебной медицине и защитила кандидатскую диссертацию по теме «Огнестрельные пулевые ранения черепа» в 24 года. А в 29 лет, когда мне было 4 года, волею обстоятельств стала начальником Бюро судебно-медицинской экспертизы Московской области. Все ее друзья и подруги были судебно-медицинскими экспертами, нередко бывали в гостях у нас дома, постоянно говорили о судебной медицине, о Бюро («Экспертизе», как тогда выражались), обсуждали и рассказывали всякие судебно-медицинские случаи. Казалось бы, мне была прямая дорога в судебную медицину. Однако я поняла это далеко не сразу. В 1965 году я с большими приключениями поступила во 2-й Московский медицинский институт им. Пирогова. На последнем курсе института встал вопрос о выборе специальности. Как я уже писала, все свое детство и юность я была окружена судебно-медицинскими экспертами и с удовольствием слушала их истории, но судебным медиком быть не хотела. В этом меня поддержал закадычный мамин друг очень известный судебно-медицинский эксперт Дмитрий Евгеньевич Джемс Леви, который сказал: «Только не в судебную медицину, Ниночка. Это задворки медицины!» Он был известный шутник и любил огорошить парадоксом. Впрочем, в отношении судебной медицины в принципе во многом он был прав. Поэтому, закончив институт в 1971 году, я поступила в ординатуру по терапии в МОНИКИ. Это была прекрасная ординатура, поскольку в клиники МОНИКИ собирались самые сложные и интересные больные со всей области, а врачи были великолепными диагностами. Кроме того, две терапевтические клиники МОНИКИ состояли в свою очередь из маленьких отделений по различным терапевтическим специальностям: не только кардиологии (как большинство ординатур по терапии), но пульмонологии, ревматологии, эндокринологии, гастроэнтерологии, нефрологии, гематологии. После окончания ординатуры я еще три года проработала городским ординатором в терапевтическом отделении Боткинской больницы. Обучение в этой славной ординатуре и работа в терапевтическом отделении многопрофильной больницы помогли мне выработать широкий кругозор и клиническое мышление, которое в дальнейшем мне очень пригодилось.

Еще работая в Боткинской больнице, с 1975 года я начала подрабатывать по совместительству в Московском областном Бюро судебно-медицинской экспертизы, занимаясь составлением Обстоятельств дела в Комиссии 2-й инстанции. Затем обстоятельства моей жизни сложились таким образом, что я оставила работу в Боткинской больнице и в мае 1976 года пришла работать в Московское Областное Бюро судебно-медицинской экспертизы. Я была оформлена на так называемое «рабочее место» в Областном морге, поскольку в те далекие времена еще существовала такая

форма первичной специализации по судебной медицине. Обучение я проходила под руководством тогдашнего заведующего областным моргом Михаила Семеновича Ривенсона. Преподаватель из Ривенсона был прекрасный. Михаил Семенович задавал мне задания по теории, я составляла конспекты, и он «гонял меня» по этим вопросам; вскрывала трупы я под его пристальным наблюдением; ездила с ним на места происшествия и писала выводы к Актам вскрытия, ориентируясь на Ривенсоновские Акты вскрытия. Я была одной из первых его учениц. Потом он воспитал еще множество учеников, так что я могу смело назвать «школу экспертов областного Бюро» «школой Ривенсона» и себя считаю его ученицей.

Областной морг располагался в знаменитом «зеленом домике», бывшей церкви при мертвецкой Екатерининской больницы — 14 (позднее 19) корпусе МОНИКИ. В те времена там же помещались и все остальные службы центрального отдела Бюро — администрация, отдел кадров, завхоз, Комиссия 2-й инстанции, трудовая комиссия, амбулатория, гинекологический кабинет, все лаборатории (гистологическая, судебно-химическая, судебно-биологическая). На дверях корпуса висело объявление: «Живые лица принимают с 10 до 12 часов, трупы выдаются с 12 до 14 часов». Областной морг обслуживал несколько районов Московской области: Одинцовский, Домодедовский, Ленинский (позднее Видновский), кроме того, если кто-либо из районных экспертов ближайших районов области был в отпуске, то трупы из этих районов вскрывались в областном морге. Морг представлял из себя большой светлый зал с большими окнами — практически полностью застекленными двумя стенами. Вдоль стен у окон стояли столы с пишущими машинками, за которыми работали лаборанты. Было 4 секционных стола, на 3-х вскрывали, за 4-м обедали. В областном морге соблюдались основные фундаментальные правила судебно-медицинского вскрытия: вскрытие производили сами эксперты, санитары только помогали и зашивали; вскрывая, эксперты сразу же диктовали, и лаборанты, сидящие в зале, сразу же печатали Акт вскрытия. Некоторые пытались уклоняться, но зав. моргом Ривенсон следил, чтобы правила неукоснительно соблюдались. Заведующий моргом устанавливал порядок вскрытия, но и без него порядок этот в основном соблюдался, а именно, в первую очередь вскрывались убийства, затем дети, потом вся травма, и в последнюю очередь вскрывались скоропостижно умершие. Убийства и автотравмы эксперты вскрывали по очереди, на стене висел график вскрытия разных случаев экспертами облморга. В те давние времена стремились к тому, чтобы судебно-медицинское вскрытие производилось лишь в случаях явной или подозреваемой насильственной смерти, а количество вскрытий скоропостижно умерших старались сократить до минимума, предоставляя это делать патологоанатомам. В те патриархальные времена ритуальные услуги оказывали санитары морга, по закону бесплатно, но практически санитары получали плату в свой карман. Санитары областного морга были очень колоритными фигурами.

В 1978 году начальником Бюро стал Василий Семенович Замиралов, бывший ранее заместителем начальника Бюро. Он первым делом перевел областной морг в подвал 13 патологоанатомического корпуса МОНИКИ. Этому способствовал факт появления районных судебно-медицинских отделений в Одинцовском и Видновском (бывшем Ленинском) районах. На попечении областного морга остался практически один

Домодедовский район. М. С. Ривенсон стал зональным — заведующим одного из танатологических отделов Бюро, а заведующим областным моргом стал Иван Карпович Савков, при этом областной морг входил в зону Ривенсона. В дальнейшем областной морг переехал на ул. Россолимо, где заведующим стал Александр Михайлович Дегтярев. Я несколько лет до конца 80-х годов продолжала работать в областном морге — и в 13 корпусе МОНИКИ, и на улице Россолимо.

Кроме того, Ривенсон уговорил меня пройти специализацию по судебной гинекологии и акушерству и вести гинекологический прием в Бюро. К этому времени гинекологический кабинет областного Бюро переехал в лабораторный корпус МОНИКИ и размещался в 517 кабинете вместе с Трудовой Комиссией. Сначала в течение месяца я прошла обучение в гинекологическом кабинете Московского городского Бюро СМЭ, где поток потерпевших был гораздо больше, чем в областном Бюро, поскольку в отдаленных районах Московской области освидетельствование потерпевших производили районные судмедэксперты, и только в трудных случаях направляли на консультацию в центр. Основной работой судебных гинекологов было освидетельствование потерпевших, подвергшихся сексуальному насилию, а также судебно-акушерская экспертиза сроков зачатия. Последняя проводилась в том случае, если предполагаемый (называемый женщиной) отец ребенка не признавал своего отцовста и по результатам биологической экспертизы не исключался. Исключение отцовства на основании биологического исследования крови случалось крайне редко, поскольку исследование группы крови было достаточно примитивным. В наше время в подобных случаях производится генетическое исследование, с точностью устанавливающее или исключающее факт отцовства, но тогда генетическая наука до этого еще не дошла и судебно-генетических лабораторий не было. Затем я прошла еще месячное обучение в МОНИАГе (Московском областном институте акушерства и гинекологии), после чего начала проводить гинекологический прием 1 или 2 раза в неделю. Экспертиз сроков зачатия в то время было довольно много, доходило до 100 в 1 год. Сначала мы стали проводить все экспертизы сроков зачатия комиссионно с участием врачей акушеров-гинекологов и неонатологов. Вместе с клиницистами я разработала принципы проведения экспертизы сроков зачатия, основной идеей которых было установление срока зачатия прежде всего на основании состояния ребенка и даты его рождения. В дальнейшем я разработала так называемые анкетированные акты экспертиз судебно-гинекологического освидетельствования и сроков зачатия.

В 80-х годах прошлого века объем работы в Бюро постоянно увеличивался, штат сотрудников всех отделений нарастал соответственно. Все уже не могли разместиться в «зеленом домике». Происходило постепенное расселение. Как я уже писала, областной морг переехал сначала в патологоанатомический корпус МОНИКИ, а затем на ул. Россолимо; гистологическое отделение полностью перебралось в подвал патологоанатомического корпуса МОНИКИ, химическое и биологическое отделение переместились в лабораторный корпус МОНИКИ, там же был организован 517 кабинет для судебно-гинекологического приема и Трудовой комиссии. Наконец в 1988 г. весь центральный аппарат Бюро, вместе с Комиссией 2-й инстанции, Трудовой комиссией и гинекологическим кабинетом переехал в Перово, на 1-ю Владимирскую улицу, в помещение бывшей гомеопатической аптеки. К этому времени я навсегда покинула

Областной морг, и основным местом моей работы стала Комиссия 2-й инстанции и гинекологический прием.

К 1988 году Замиралов проработал Начальником Бюро 10 лет, затем ему это надоело, он решил уйти с должности, а на свое место выдвигал своего тогдашнего заместителя Козлова. В это время в стране происходило брожение, стало модным выбирать начальника всем коллективом. Так в декабре 1988 года и в Бюро произошли выборы начальника. Было 3 кандидата: уже упомянутый Козлов, Михаил Семенович Ривенсон, работавший к тому времени зональным экспертом, и сотрудник Российского Центра судебно-медицинских экспертиз Гедыгушев Исхак Ахмедович. Предвыборная гонка могла соперничать с выборами в США, накал страстей был огромным, выборы очень бурные. В результате победил Ривенсон. Не все сотрудники Бюро были довольны результатами выборов, но с точки зрения интересов Бюро это безусловно был оптимальный выбор.

Михаил Семенович Ривенсон проработал в должности начальника Бюро с 1988 по 2012 г., до дня своей смерти, в общей сложности около 23 лет. В 1988 г. в стране начиналась «Перестройка», и в Бюро тоже с началом его работы в должности начальника Бюро началась «перестройка». Однако это была не та «перестройка», которая прокатилась по стране. Никакого хаоса, криминала, передела, беспредела и т.п. Наоборот: порядок, организация, четкая централизация власти, необходимые для дела кадровые перестановки и, прежде всего, техническое оснащение — и рывками, и постепенно, но неуклонно вперед. Со свойственной ему неукротимой энергией Михаил Семенович добился предоставления помещений, ставок, оснащения, нашел людей — и все дружно заработало, завертелось, закрутилось — преобразилось.

Для расширения и усовершенствования Бюро нужны были средства. И требовались новые стимулы для работы сотрудников Бюро. Чтобы выжить, нужно было самим зарабатывать деньги, благо возможности для этого появились. Была создана собственная бухгалтерия, планово-экономический отдел и отдел организации платных услуг. Если плата за ритуальные услуги до того шла в карман санитаров морга, то Ривенсон упорядочил эти услуги, они стали оплачиваться официально по квитанции и идти в доход государства и Бюро, причем все сотрудники районных отделений получали свою долю доходов. При этом Начальник вступил в борьбу с «Ритуалом». Борьба шла не на жизнь, а на смерть. Дважды было организовано покушение на жизнь самого Ривенсона (один раз бомбу вовремя обнаружили около его машины, другой раз нападавшие сами подорвались в машине раньше времени) и один раз было покушение на здание Бюро на 1-й Владимирской улице, когда вход в Бюро был заблокирован автомашиной, а в окна Бюро кидались бутылки с зажигательной смесью. Начался пожар, но благодаря наличию дополнительного выхода, дежурные эксперт, санитар и водитель не пострадали, а выбрались из горящего помещения и вызвали пожарных и полицию. В итоге Ривенсону удалось одержать победу над «Ритуалом», и это позволило сохранить Бюро экономический суверенитет.

Михаил Семенович усовершенствовал работу всех лабораторий Бюро (судебно-гистологической, судебно-химической, судебно-биологической,

медико-криминалистического отдела), создал заново судебно-биохимическую и судебно-генетическую лаборатории. Он организовал отдел кадров, хозяйственный, инженерный и транспортный отделы.

Но, конечно, основным и любимейшим отделом начальника являлся танатологический. Ривенсон во всех самых важных случаях всегда советовался с зональными — заведующими танатологическими отделами Бюро. Любимым делом Михаила Семеновича являлись общие конференции экспертов танатологов, которые он всегда проводил блестяще. Много внимания он уделял также организационно-методической работе Бюро, им было разработано и внедрено в практику проведение внутризональных конференций, под его руководством активизировалась работа методического Совета, издавались многочисленные методические информационные письма, внедрились в практику компьютерные методы обработки информации.

Особое место в деятельности М. С. Ривенсона, как начальника Бюро, занимали годовые отчеты, которые он очень любил и готовился к ним, как никто другой. Происходил годовой отчет начальника обычно в конференцзале МОНИКИ, приглашались многочисленные гости: из Минздрава, РФЦ СМЭ, областной прокуратуры, следственного комитета, из городского Бюро, иногда из МОНИКИ и других регионов, а также все сотрудники Бюро.

По инициативе Ривенсона начал составляться анализ «Расхождений диагнозов» (больничных и судебно-медицинских), результаты которого он ежегодно лично докладывал в Минздраве вместе с «Анализом врачебных дел», который составлял и докладывал заведующий отделом сложных экспертиз. Михаил Семенович справедливо считал эти доклады большим вкладом в дело улучшения качества здравоохранения в Московской области.

В 1989 году М. С. Ривенсоном был создан Отдел сложных экспертиз — ОСЭ. Первым заведующим ОСЭ стал Семен Израилевич Урман, который до этого много лет проработал в районном Электростальском отделении, имел большой стаж, высшую категорию, являлся постоянным членом оргметодсовета, постоянно занимался проверками районных экспертов и тематическими проверками. Он был очень уважаемым человеком, считался специалистом экстра-класса. Экспертами ОСЭ в этот период были Сильвия Валентиновна Карлова и я. Урман был вполне на своем месте — высококвалифицированный эксперт, умный и порядочный, очень достойный человек. Однако в октябре 1993 г. он вслед за своими любимыми родными эмигрировал в Израиль. Скрепя сердце, он был вынужден покинуть Россию, Бюро и любимый отдел сложных экспертиз.

После его отъезда заведующей отделом сложных экспертиз стала я, и проработала в этой должности 10 лет — с 1993 по 2003 год. Став заведующей ОСЭ, я подала заявление на аттестацию, и в 1994 г. мне была присвоена высшая квалификационная категория (до этого времени у меня никакой категории не было).

Здесь я хотела бы немного рассказать об основных принципах работы отдела сложных

экспертиз. В Московском областном Бюро СМЭ работа ОСЭ была четко организована и продолжала традиции Комиссии 2-й инстанции, заложенные еще в 60 – 70-е годы прошлого века при начальнике Л. Н. Додиной и основном деятеле Комиссии В. А. Левкове. В созданном в 1989 году ОСЭ эти традиции поддерживались и совершенствовались. Принципы работы Комиссии 2-й инстанции, иногда только декларируемые в других Бюро, в нашем Бюро неукоснительно соблюдались. Основными принципами являлись следующие: уголовные (а позднее и гражданские) дела и материалы проверки принимались в работу только полностью укомплектованные; медицинские документы принимались только в подлинниках; материалы изучались экспертом-докладчиком по делу и составлялись подробные Обстоятельства дела по установленному образцу; в ходе производства экспертизы в обязательном порядке повторно исследовались все вещественные доказательства по делу; все члены комиссии, как судебно-медицинские эксперты, так и консультанты, принимали непосредственное участие в производстве экспертизы (изучали Обстоятельства дела, вещественные доказательства и участвовали в заседании комиссии); при производстве всех экспертиз проводились заседания комиссии; на заседание комиссии приглашались судмедэксперты, производившие первичное исследование (в случаях повторных экспертиз) и врачи, оказывавшие медицинскую помощь, и следователь (в случаях «врачебных экспертиз»); председателем комиссии чаще всего являлся начальник Бюро, реже его заместитель по экспертной работе; все члены комиссии принимали участие в обсуждении выводов во время заседания комиссии и изучали проект выводов, составленный докладчиком по делу, вносили свои замечания; при отсутствии консенсуса член (или члены) комиссии, не согласные с общим мнением, составляли отдельное Заключение. При составлении Выводов в ОСЭ нашего Московского областного Бюро СМЭ также соблюдались некоторые особенности, а именно: по давно заведенной в Областном Бюро традиции Выводы в комиссионных экспертизах почти никогда, за редчайшим исключением, не составлялись по принципу «вопрос-ответ»; Выводы строились логически последовательно, исходя из особенностей производимой экспертизы, при этом на все вопросы, поставленные перед экспертами, ответы давались, но в логической последовательности, если же какие-то вопросы выпадали из логического повествования, то ответы на них давались в конце Выводов; кроме того, ответы давались не только на те вопросы, которые были заданы лицом, назначившим экспертизу, но и на те, которые логически вытекали из существа дела.

Надо сказать, что именно в отделе сложных экспертиз я нашла свое место и призвание. Здесь мне очень пригодился мой клинический опыт, прежде всего, для производства экспертиз о правонарушениях медицинских работников (так называемых «врачебных делах») и проведения «Анализа врачебных дел». Успеху моей работы в ОСЭ способствовали также некоторые мои литературные способности. Говорили, что выводы у меня получаются. Но за этим, помимо способностей, стоял большой опыт и очень большой труд. Как зав. ОСЭ, я принимала дела, ежегодно составляла годовой отчет, а когда хватало времени, анализ повторных экспертиз, которые докладывались на общей конференции, производила анализ врачебных дел (он впоследствии стал называться «Мониторинг дефектов оказания медицинской помощи»), который докладывался в Минздраве. Кроме того, я являлась экспертом-докладчиком по большей части производившихся экспертиз.

Как я уже писала, в обязанности заведующего ОСЭ, помимо прочего, входило составление Годового отчета по отделу, проведение Анализа врачебных дел, проведение Анализа повторных экспертиз с измененными выводами, а также составление текущих отчетов работы отдела.

Для составления указанных отчетов в 2001 году в Бюро была разработана «Программа статистического учета и анализа комиссионных экспертиз», в разработке которой принимали участие судмедэксперты Н.А. Зыкова и В.С. Замиралов (идеологическая часть) и программист О.В. Самоходская. Первоначально для этих целей была разработана «Статистическая карта экспертизы по материалам дела».

Для производства Анализа врачебных дел в Бюро была разработана своя рабочая классификация дефектов оказания медицинской помощи, поскольку общепризнанной Классификации не существовало. В разработке этой Классификации принимали участие М.С. Ривенсон, В.С. Замиралов и я.

Созданная «Программа» обеспечивала составление годового отчета о работе Отдела сложных экспертиз, включая общий отчет, отчет о повторных экспертизах и об экспертизах по «врачебным» делам в виде таблиц общим количеством 27; составление отчета о сроках экспертиз с указанием ФИО эксперта-докладчика, срока производства отдельных экспертиз, сроков этапов движения экспертиз, с расчетом средних сроков экспертиз и их отдельных этапов, в том числе с подсчетом срока пребывания экспертизы непосредственно в работе у эксперта-докладчика. Особое внимание к срокам производства экспертиз объяснялось тем, что сроки являлись самым слабым местом нашего отдела, и начальник Бюро М.С. Ривенсон уделял этому вопросу особенно пристальное внимание.

Кроме того, «Программа» позволяла составлять «Текущие отчеты» о деятельности ОСЭ: «Обзор экспертиз» — с перечислением всех находящихся в отделе экспертиз (в заданный промежуток времени), с указанием типа экспертизы и дат завершенных этапов движения экспертиз, и «Оперативный отчет», в котором подсчитывалось, сколько экспертиз поступило, сколько закончено, сколько находится в стадии оформления, сколько в работе у экспертов докладчиков, в том числе пофамильно и с указанием, на каком этапе находятся экспертизы — за любой заданный отрезок времени.

«Программа» позволяла «складывать» сведения об экспертизах прошлых лет в архив, а при необходимости извлекать их из архива.

Первоначально «Программа» была разработана на языке Delphi в Paradox, что не позволяло осуществить сетевое объединение компьютеров отдела. Затем была разработана новая «Программа» на более современном языке программирования MS Visual C ++ (MFC), которая к основным функциям предыдущей программы добавила сетевую поддержку, которая позволила работать с базой данных (БД) одновременно нескольким экспертам на разных компьютерах, при этом вся БД собиралась на ведущем компьютере (сервере). Кроме того, новая «Программа» создавала отчет в виде Word —

документа, что позволяло копировать и редактировать отчеты, производить различные выборки по заданной тематике.

В 2009 г. «Программа» была усовершенствована таким образом, что стало возможным составлять все виды отчетов на каждого эксперта в отдельности.

Впоследствии в 2012 г. я издала книгу «Опыт работы в отделе сложных экспертиз». Поскольку организация работы «Комиссии» и методика составления выводов в Бюро судебно-медицинской экспертизы Московской области значительно отличались от таковых в других Бюро, а никто с традициями «Комиссии» нашего Бюро не был знаком так, как я знакома, я решила зафиксировать опыт «Комиссии» Московского областного Бюро, а также свой личный опыт и знания о работе в «Комиссии» в виде небольшой книжицы (некоторого неофициального пособия для судмедэкспертов отделов сложных экспертиз), тем более что научной и методической литературы о работе «Комиссии» было чрезвычайно мало, можно сказать, что и совсем не было. Создавалось также впечатление, что в моем лице завершился определенный этап истории развития «Комиссии по сложным и врачебным делам» и ее продолжения — отдела сложных экспертиз — с исторически сложившимся подходом, как к проведению заседаний комиссии, так и к составлению выводов. Это требовало фиксации накопленного опыта. Кроме того, появившиеся еще во время моей работы в Бюро нововведения касались, прежде всего, организационных моментов, а существа производства комиссионных экспертиз тогда еще не затрагивали. Поэтому меня не оставляла надежда, что даже, если временно этот опыт будет похоронен и забыт, когда-нибудь могила разверзнется, старая «комиссия» будет эксгумирована, и тогда эти заметки смогли бы кому-нибудь пригодиться.

Однако вернемся к началу образования отдела сложных экспертиз. Если во времена Комиссии II инстанции, которой негласно управлял Василий Александрович Левков, сроками производства комиссионных экспертиз никто особо не интересовался, то, когда начальником Бюро стал Михаил Семенович Ривенсон, он внезапно обратил внимание на сроки комиссионных экспертиз и пришел в ужас. С тех пор всех заведующих ОСЭ ругали за сроки экспертиз и большие очереди. При этом к качеству экспертиз претензий никогда не было. В период, когда Ривенсон был начальником областного Бюро, наш отдел сложных экспертиз стал известен всей России, и следователи всех регионов стремились назначить нам экспертизу.

Тем не менее отдел сложных экспертиз причинял Ривенсону самые большие огорчения, поскольку он единственный никак не желал выполнять «справедливое требование о месячном сроке производства экспертиз». Михаил Семенович упорно боролся за улучшение сроков производства экспертиз в ОСЭ, сначала с первым заведующим Урманом Семеном Израилевичем, затем со мною. Ругали меня постоянно, на каждой оперативке работу ОСЭ «пропускали через частое сито» и этапы производства экспертиз рассматривали буквально в лупу. Нет худа без добра. Для более тщательного контроля за работой ОСЭ была создана вышеописанная статистическая программа. Но никакой контроль не помогал улучшить сроки и уменьшить очередь. Я объясняла большие сроки экспертиз прежде всего, самим характером комиссионных экспертиз, их

постоянным усложнением и хронической недоукомплектованностью Отдела постоянными квалифицированными сотрудниками. Мои доводы казались Михаилу Семеновичу неубедительными, ему казалось, что виной всему отсутствие у меня организационных способностей. Меня принуждали написать заявление об освобождении от должности (почему-то начальник по закону сам не мог меня снять с должности). Я довольно долго сопротивлялась, поскольку не видела вокруг человека, который мог бы справиться с этой работой. Однако в начале 2003 года за меня взялись столь капитально, что у меня сдали нервы, и я написала требуемое от меня заявление об освобождении от должности заведующей ОСЭ.

После меня в ОСЭ «царило много лиц», по выражению А. К. Толстого (в своей «Истории Государства Российского, описывая Послепетровскую Россию, он писал: «Тут много или мало царило много лиц, царей не слишком много, а более цариц»), но в отличие от Послепетровской Руси, преимущественно «царей» — примерно по одному году отдел возглавляли поочередно: А. А. Бодров, А. М. Дегтярев, Т. А. Куприна, В. А. Савельев, В. В. Фролов, по нескольку месяцев «варяги» — В. А. Ляненко и О. В. Лысенко, однако последние у нас надолго не задержались. Наконец, ОСЭ возглавила «царица» Олеся Валерьевна Веселкина, и начался новый этап развития.

Я продолжала работать в отделе в качестве эксперта-докладчика, преимущественно производила экспертизы по сложным врачебным делам. Всем заведующим я помогала составлять годовые отчеты и продолжала делать Анализ врачебных дел, до тех пор, пока заведующей не стала Олеся Валерьевна, которая сама справлялась с годовым отчетом и анализом врачебных дел, который при ней стал выпускаться в виде отдельного сборника и именоваться «Мониторингом дефектов оказания медицинской помощи», она же продолжала заниматься усовершенствованием Программы статистического анализа.

Когда-то раньше в отчете на квалификационную категорию был раздел «Общественная работа». Я в профсоюзе состояла, но особо там ничего не делала. Когда я подавала свой первый отчет на категорию, я долго ломала голову, пока не придумала, что моя общественная работа, мол, заключается в том, что я пишу стихи — поздравления сотрудникам Бюро с их юбилеями и днями рождения. И поместила в отчет образцы своего творчества. Так аттестационная комиссия в Облздравотделе (тогда не было еще Минздрава), только стихи и читала. Я выпустила 3 сборника таких стихов. В дальнейшем я стала помогать нашему профоргу Зое Александровне Ивановой выпускать стенгазеты. Муж мой, Зыков Георгий Анатольевич, который работал в судебно-химическом отделе, делал фотографии, а я писала тексты.

В 2008 году в Бюро в честь «Года семьи» прошел праздник «Судебно-медицинские и медицинские династии и семьи». Наша династия была представлена моей мамой Людмилой Николаевной Додиной, мною и моей дочерью врачом-эндокринологом Полиной.

Хотя Михаил Семенович на меня часто сердился, все же он счел возможным выдвинуть меня на звание Заслуженного врача РФ, но до момента вручения мне этого

звания он, к сожалению, не дожил. Церемония проходила в Правительстве Московской области, удостоверения и значки вручал губернатор, и мне выпала честь от лица награжденных сказать ему несколько слов.

В 2011 году Ривенсон очень торжественно отпраздновал свое 75-пятилетие, он был полон сил и энергии и собирался работать в должности начальника Бюро до 80 лет. Однако уже во второй половине этого года у него было выявлено тяжелое онкологическое заболевание в запущенной форме. Михаил Семенович сражался с ним как лев до последних сил, все время продолжал работать, пробыл на больничном немногим больше одного месяца, и скончался 25 июня 2012 года. Его приемником на должности начальника Бюро стал Владимир Александрович Клевно.

Когда Владимир Александрович в 2009 году пришел в наше Бюро, честно говоря, я несколько напряглась: доктор наук, профессор, бывший директор Российского центра. Не будет ли он претендовать на место Ривенсона? Однако Владимир Александрович вел себя крайне достойно, корректно, интеллигентно, никаких поползновений не предпринимал, а создал и занял особую новую нишу в Бюро. Наше Бюро всегда было практическим учреждением. Хотя и были у нас отдельные кандидаты медицинских наук, однако в основном никто научной деятельностью не занимался. И вот стараниями Владимира Александровича в Бюро закипела научная жизнь, многие эксперты стали заниматься научной работой и писать диссертации под чутким руководством Владимира Александровича. А затем он организовал кафедру судебной медицины на базе МОНИКИ, на базе которой проводились курсы повышения квалификации как для экспертов Областного Бюро, так и для экспертов других судебно-медицинских учреждений. Это было очень важное дело для Бюро.

Став Начальником Московского областного Бюро, Владимир Александрович не только продолжал свою научную деятельность, но и бережно сохранял все традиции Бюро: по-прежнему функционировал институт зональных, проходили общие и зональные конференции, активно работал оргметодотдел, отдел сложных экспертиз работал в прежнем режиме, сохранялся экономический суверенитет Бюро. В. А. Клевно организовал и возглавил Ассоциацию судебных медиков (членом которой я, естественно, сразу стала) и начал регулярно проводить международные конференции судебно-медицинских экспертов. Тем самым Владимир Александрович поднял Московское областное Бюро на новую высоту.

В 2015 году на 60-летие Владимира Александровича я написала следующее стихотворение:

Земля алтайская века копила силы,

Энергий сгусток окружал железо, злато, серебро.

И все накопленное с щедростью вложила

В свою звезду – Владимира Клевно.

Судебной медицине как науке

Служили панихиды все давно,

Пока не приложил к ней острый ум и опытные руки

Науки рыцарь и слуга В. А. Клевно.

Бюро Московской области России всей известно

Своим высоким уровнем, научное ж зерно

Совсем заглохло в нем. Но вдруг необычайно и чудесно

Забил фонтан научной мысли под эгидою Клевно.

Когда я теперь вспоминаю Владимира Александровича передо мною возникает очень светлый и симпатичный образ и ощущение сгустка светлой энергии. С другими начальниками у меня бывало всякое. Но от Владимира Александровича, кроме неизменного уважения и добра я никогда ничего не видела. Работать с ним было очень приятно, он всегда был приветлив, выдержан. Именно при нем мне дали звание Заслуженного врача РФ, он меня торжественно провожал на пенсию. А уже после моего выхода на пенсию к 100-летнему Юбилею Бюро он дал указание напечатать сборник моих стихов и статей «Сотрудники Бюро в стихах и прозе», причем без всяких купюр и редакторских правок, за счет средств Ассоциации судебных медиков, и это

была единственная моя книга, изданная не за свой счет. Я за это Владимиру Александровичу очень благодарна.

Еще пять лет при В. А. Клевно я продолжала работать в отделе сложных экспертиз в качестве эксперта-докладчика, занималась преимущественно врачебными делами и производила самые сложные из этих экспертиз. Кроме того, я передавала свой опыт молодым экспертам отдела, принимала участие в проведении экспертиз, производившихся молодыми экспертами, помогала им составлять выводы. Составлением Годового отчета по отделу и «Анализом врачебных дел», называвшимся уже к этому времени «Мониторингом», как я уже писала, занималась заведующая отделом Олеся Валерьевна Веселкина. Жизнь текла мирно и размеренно. Но к своему 70-летию я стала ощущать некоторую усталость и вышла на законную пенсию.

Однако связь моя с Бюро не прекратилась. Как когда-то моя мама Людмила Николаевна Додина, я продолжала следить за жизнью Бюро, профсоюзная организация Бюро меня также не забывала, поздравляла с праздниками, приглашала на праздничные мероприятия.

Оглядываясь назад, я вижу, что вся моя жизнь была неразрывно связана с судебной медициной и Московским областным Бюро судебно-медицинской экспертизы, от чего я тщетно в юности пыталась уклониться.

Когда-то знаменитый судебно-медицинский эксперт Дмитрий Евгеньевич Джемс-Леви, любивший пооригинальничать, говаривал, что «судебная медицина — это задворки медицины». Теперь с высоты прожитых и проработанных в отделе сложных экспертиз лет я могу сказать, что совершенно не согласна с «Джемсом» и не считаю судебную медицину «задворками» по существу: ее превратили в «задворки», но замыслена она была иначе. Я бы назвала судебную медицину «непризнанной царицею медицины». И я очень надеюсь, что когда-нибудь она займет свое достойное законное место среди других медицинских специальностей.